

АГЛАЯ ОТРАДА

ПРАВО НА

МЕСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аглая Отрада

Право на месть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63919662

SelfPub; 2021

Аннотация

Никогда не говори никогда... Я был уверен, что больше удара, чем смерть родителей, Судьба уже не сможет нанести. Но я и не предполагал, как мучительна может быть любовь. Любовь к жене своего врага. Но полюбить – это полдела. Самое трудное – вырвать ее из лап подонка и не навредить их дочери.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	50
Глава 7	58
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Аглая Отрада

Право на месть

Глава 1

– А вот теперь и пострадавшие есть! Так что выбирай – свадьба или спасение этой суицидницы. Ее нужно срочно в больницу.

– Может, нашатырь под нос? – обескураженный таким неожиданным поворотом, все еще в запале горячности, вспомнил я старое средство.

– Побочка может быть. Остановка дыхания. Рискнешь? К тому же, вдруг у нее инсульт от твоего наезда! Или внутреннее кровоизлияние? Тогда минуты решают все. Или давай я останусь, вызову скорую. Оформлю все бумаги, у меня ж доверенность есть. Кто твой зад расхреначил, ему по фиг, лишь бы страховку получить. А ты рви на такси к невесте.

– Нет, Макс. Сфотографируй быстренько повреждения, возьми контакты у кого-нибудь из зевак, чтоб засвидетельствовали, что я не сдуру по тормозам ударил. Пока скорая приедет, может быть уже поздно. Остаться здесь для бумажек я не могу, потому что от бешенства боюсь взорваться. Поэтому сам отвезу это чучело в больницу. Не хватало, чтоб привидение являлось по ночам и душило меня. Или не дай

Бог, угрызения совести. К тому же, возможно, нужны будут ее показания, так что она нужна нам живой.

Перехватив у друга бесчувственное тело, несмотря на всю злость, кипевшую, как в адском котле, я постарался более – менее аккуратно запихнуть его на заднее сидение.

И понимая, что перекладываю на друга ответственность, дал последнее наставление:

– А самая большая просьба, свяжись с Камилой. Скажи, что я позже перезвоню и объясню, почему не приехал в ЗАГС, – отрывисто, словно на военном плацу отдавая команды, выдал свое решение. Правильно или нет, но я всегда шел туда, куда толкал меня неумный внутренний голос. Он имел пафосное имя: «Я Так Хочу».

Забив в поисковик адрес ближайшей «Скорой», я рванул, будто сам был раненый.

Не имея ни малейшего представления, что и как обычно происходит в приемном отделении, я вытащил из салона эту чертову безмозглую куклу, находящуюся в глубоком обмороке и, сцепив зубы от злости и перепрыгивая через ступеньки, понес ее к докторам.

Однако не тут–то было. В узком коридоре творилось такое столпотворение, что я в первое мгновение растерялся. В моем представлении сами медики должны выбегать навстречу пострадавшему или больному уже с каталкой и тут же заниматься им.

Однако тухлый запах хлорки и мучений быстро ткнул но-

сом в то, что жизнь и кино сильно разнятся, и ничего подобного не будет. Кто –то, жалобно постанывая, лежал на кушетке, несколько человек со искаженными болью лицами сидели на стульях вдоль стены, очевидно ожидая, пока родственники, раздраженно толпящиеся у окошка, оформят документы.

– Эй, медики! Ау! – включил я командира и зычно рыкнул, совершенно не понимая, что тут творится. Охренеть! На зов никто не отреагировал. Благо, эта чокнутая весит не больше барашка, которых я немало перетаскал на себе, бывая в гостях у родителей Макса, поэтому легко мог маневрировать в тесном, дымящимся болью и страданием, пространстве.

Зачиная закипать, подошел к окошку и гаркнул так, что очередь чуть не бросилась врассыпную.

– Быстро сюда врача!

Невозмутимая дама, очевидно, за долгие годы работы покрывшаяся пуленепробиваемой броней, спокойно подняла на меня взгляд и безэмоционально, будто речь шла не о жизни и смерти, а о приеме пальто в химчистку, спросила.

– Что у вас случилось?

– Это у тебя сейчас случится, селедка бездушная! Где у вас чертовы врачи?! Быстро сюда зови или сейчас тебя пристрелю и сам найду! – заорал я, впервые осознавая, что деньги и умение командовать в некоторых местах не работают. Как ключ–карта, приложенная не к той двери.

Считав степень опасности, исходившей от посетителя с телом на руках, она шустро набрала номер.

– Олег Викторович! Очень срочно. Подойдите, пожалуйста. Девушка без сознания. Да нет. Крови не видно, – и уже изволив обратиться ко мне: – А вы, молодой человек, не нервничайте.

А молодой человек уже не нервничал, он, то есть я, откровенно рвал и метал. И если б не многолетнее увлечение боксом, где помимо техники и тренировок, важна еще и холодная голова, я бы уже скинул куда-нибудь в угол свою ненавистную бесчувственную ношу и пулей вылетел бы из этого чистилища.

Но чучело, источник моих бед, нуждалось в неотложной помощи. Вдруг, правда, инсульт. Такое даже среди молодых не редкость. Поэтому бросить на произвол судьбы – это равносильно оставлению в опасности.

Однако, как я ни уговаривал себя посочувствовать жертве собственной агрессии, ничего не получалось. Я зол. Еще раз зол. Трижды зол. И раздражен.

– Кладите на каталку, сейчас мы отвезем ее в процедурную. Что произошло? – подошедший Айболит быстренько осмотрел девушку, по ходу пытаюсь выяснить обстоятельства.

– Она упала перед моей машиной, и я привез ее сюда, – обтекаемо ответил я, опустив неприятные подробности. В конце концов, главное, что я ее практически не задел.

Регистраторша, выплывшая из своего убежища и понимая, что сопровождающий полностью дезориентирован и находится в состоянии атомного реактора, говорила нарочито медленно:

– А вы пока оформите документы. Вы муж? Паспорт при себе?

Я пропустил мимо ушей слово «муж»

– Конечно, при себе!

Еще бы не при себе – в ЗАГС же ехал! Я похлопал себя по карманам. Да ладно?! Бл...дь! Сюрпризы не закончились? Чувствую, как лицо вытягивается в удивлении. Определенно, день не задался. Паспорта не было! Лихорадочно пробегаю мысленным взором по квартире, никак не могу поймать нужное.

Да чтоб тебя! Портмоне! Вспыхнула догадка. Точно. Камила же подарила дорогое портмоне. Туда я паспорт положил, но поскольку вещь новая и непривычная, соответственно, в спешке напрочь вылетело из головы, что она у меня вообще есть.

– Паспорт пострадавшей, – слегка наклонив вперед голову, будто психиатр с классическим: «Ну-с, на что жалуемся?!», уточнила регистраторша.

– Ну ё-о-б..., – я схватился за голову. В последнее время столько всего навертелось, что сознание не справлялось. Словно нажав на кнопку «Перемотка», покадрово перелистал свои действия в обратном порядке, как при привычном

анализе боя.

Вот я заново чучело в эту преисподнюю. Назад. Вынимаю из машины. Еще раз назад. Кладу ее туда. Беру из рук Макса. Бинго! Сумочка соскальзывает с ее плеча!

– Нет, она осталась на месте происшествия. Вы оказывайте помощь, потом вам привезут документ.

– Тогда свой давайте, мы ж должны контакты хоть каких-то ее знакомых иметь?

– Бенджамин Франклин подойдет?

Регистраторша опешила. На ее лице, не отягощенном излишками интеллекта, отразилась работа мысли. Но не более. Видно только, что имя где-то слышала.

Я вытащил из бумажника две стодолларовых купюры и, закрыв спиной от возможных свидетелей, вложил ей в руку.

– Позаботьтесь о ней, приеду проверю, – придавив растерявшуюся женщину тяжелым буравящим взглядом, быстро развернулся и посайгачил отсюда с такой скоростью, будто черти с уже раскаленной сковородкой гнались.

Глава 2

Хотя, выйдя на улицу, притормозил свой разгон. Отойдя на несколько метров от входа, я готов был ртом хватать свежий воздух.

Идиот, и я думал, что знаю о жизни очень много! Вот ведь цветочек аленький! Мне нередко приходилось пользоваться услугами медиков, но я и не задумывался, что все может быть так убого.

Назвался груздем... – полезай в карман за телефоном.

Изрядное количество гудков подвергли мое терпение еще одному испытанию. Наконец, Макс соизволил откликнуться.

– Ну что там? Закончили?

– Да нет еще. Хваленая быстрая процедура все равно муторная.

– Макс, мы тормоз. Сумку этой чокнутой не потерял? Привези ее сюда, как закончишь. Я пока перекурю и подумаю, что дальше делать.

Твою ж мать! Магия слова! Я и думать уже забыл о куреве. Но только что произнесенное запретное слово, словно дразня, легло на язык и пощекотало губы, напоминая, как восхитительно затянуться обжигающим, согревающим легкие обманной лаской, дымом, на минуту отрешиться от всего.

Достав из бардачка, или как раньше его называли, перчаточного ящика, нетронутую пачку сигарет и зажигалку, по-

крутил их в руках и завис. Сигареты возил с собой просто как напоминание, что мне не чуждо ничто человеческое. Держался полгода. Стресс снимал в спортзале, выбивая «душу из груши». Может смалодушничать и хоть одну выкурить? Только одну? Но распечатанная пачка, как упаковка презерватива – открыл, значит нужно пользоваться.

Одну?! Просто переключить внимание. Отвлечься. Это необходимо по–любому сделать, иначе мозгу грозит взрыв.

Что я сейчас сделал? Сорвал роспись в ЗАГСе. Гадливое чувство вины медленно вползло в душу и вольготно там раскинулось.

Гордая, независимая, но такая беззащитная. Камила. Мила. Милька. Милашка. Я и не заметил, как пролетели два месяца, не понял, как подсел на крючок ее тела.

Нет, это не любовь с первого взгляда. С первого взгляда стремление защитить, огненным жгутом плотно переплетенное с похотью. С разнузданной, первобытной похотью.

Перед глазами, крепко схватив за яйца, как кадр из фильма, встал день нашего знакомства. Вернее, поздний вечер.

Я не люблю нарушения режима, и поэтому пробежки, если нет уважительной причины откосычить, всегда приходятся на одно и то же время.

Как обычно, нарезав первый стремительный круг с полной выкладкой, на втором я расслабился и теперь мог неторопливо припечатывать свои кроссовки к резиновой велосипедной дорожке, которую недавно проложили в парке. Вело-

сипедисты уже в такое время не путались под ногами, и бегать было очень комфортно.

Только успел погрузиться в ритмичную нирвану, как услышал отчаянный девичий крик.

– Помоги. . . , – и тут же он захлебнулся, очевидно, задавленный чужой рукой.

Конечно, немало случаев, когда спасатель оказывается в положении хуже, чем тот, кого спасал, но я не умею долго думать. Только гопники могут в парке напасть на кого-то. А уж им-то навалить от души – только кулаки размять.

Перепрыгнув с разбега ряд подстриженных кустов, я увидел что-то похожее на змеиный клубок. Над распластанной на земле девчонкой, как стервятники, сгрудились три отморозка. Один рвал на ней одежду, второй зажимал рот, а третий стаскивал джинсы.

Не задумываясь, схватил за шкварник первого попавшегося, дернул на себя и мощным пинком под зад отшвырнул в кусты. Не успевшие сообразить, что произошло, двое оставшихся дернулись было пободаться, но шансы на то, чтоб сохранить физиономии нетронутыми, у них были нулевыми. Хотя эти борзые гопники напрыгивали яростно, уворачиваясь от прямых ударов. Но недолго. Подпустив их к себе на расстояние вытянутой руки, я сгруппировался, вводя в заблуждение, и резко, как пружина, распрямился. Мощный удар ноги отшвырнул одного, второй, налетев на кулак, тоже свалился на землю. Для полноты картины пнул его носком,

заставив с воем откатиться в сторону.

Как побитые собаки, они, матерясь, поковыляли вглубь парка. Скручивать их, чтоб оттащить в полицию, не имело смысла. Задолбут бумажками. А то еще и его обвинят, что причинил увечья.

– Быстро валите отсюда, ушлепки, пока не прибил, – пришпорил негодяев и склонился над лежавшей девушкой. От испуга она, казалось, впала в протрацию, не пытаясь подняться или закрыться. Словно не верила своим глазам.

Разорванная кофточка и бюстгальтер полностью обнажили идеальную, умопомрачительно красивую грудь. Стянутые грязными лапами до середины бедер джинсы вместе с трусиками открывали впалый животик и абсолютно лишенный волос девичий лобок.

То, что я испытал тогда, до сих пор обжигало совесть, как будто кто подносил к этому эфемерному органу зажженную зажигалку. Разгоряченный дракой, я чувствовал, как адреналин будоражит кровь, заставляя кипящей лавой бежать по артериям, а вид беззащитной, едва не изнасилованной девушки, будит настоящую животную похоть. Несколько мгновений я тупо пожирал ее глазами. Давало о себе знать и приличное воздержание.

Желание смять эти груди, потянуть губами крупные соски, выбивая жаркий стон, огладить животик, накрыть ладонью гладкий холмик, проникнуть в жаркое лоно, словно адский огонь вдруг вспыхнуло внутри. По позвоночнику будто

провели тончайшим раскаленным прутом, заставляя вздрогнуть. Член дернулся, и меня самого чуть не закоротило.

Да и кто будет отрицать, что насилие – почти как наркотик, дурманит и возбуждает так же мощно, срывая тормоза. Не зря с налитыми кровью глазами древние римляне требовали добить поверженного гладиатора. Отсюда же у футбольных фанатов желание все подряд крушить после напряженного матча. Отсюда бешенные ставки на бойцов в закрытых клубах.

И отсюда же склонность к грубому сексу. Это сейчас я и осознал.

подавив в себе проснувшееся животное начало, хрипло спросил:

– Ты как?

– Н-н-е знаю, – еле вытолкнула она сквозь распухшие губы. Я только сейчас заметил, что кожа на правой скуле свезена и кровит. Очевидно, удар пришелся и на губы.

– Вот сучата! Мало навалял, – в сердцах выдохнул и протянул девушке руку. Однако глаза невольно скашивались на ее грудь. А она, словно спохватившись, попыталась прикрыть ее остатками разорванной кофточки, но безуспешно – тонкая ткань превратилась в жалкие клочки. Тогда она закрылась руками, но этот трогательный жест снова, как током, задел ту часть мозга, которая отвечает за возбуждение.

Сглотнув комок, я, наконец, взял себя в руки.

– Вставай. Я не смотрю, – я и, правда, по-честному от-

вернулся, продолжая протягивать ладонь. Незнакомка робко положила на нее свою дрожащую кисть. Темные, как у лани, глаза, казалось, заглядывали в душу и молили о помощи.

Понятное дело, что пробежка накрылась медным тазом. Но я и не жалел, потому что первобытное чувство собственности, как цунами, накрыло с головой, швырнуло на берег и расплющило всю мою систему убеждений. На улице не знакомятся? Так тут особый случай! Я безумно хотел обладать этой раненой птичкой с пугливыми глазами!

– Идти можешь? Или ноги со страху подкашиваются? – спрашиваю нарочито безразлично, а сам уже до дрожи хочу схватить на руки и утащить в свою холостяцкую берлогу, в которой последнее время было совершенно пусто.

– Могу. Но я не могу в таком виде, – негромко, стесняясь своей наготы, почти шепотом ответила девушка.

– Ну конечно! На, держи, потом вернешь. Если захочешь, – рывком стаскиваю с себя футболку и протягиваю ей.

Девушка взяла, но надевать не торопилась. Сжав двумя руками вещь, она поднесла к носу и, закрыв глаза, вдохнула.

– А, ну да! Мужичким потом воняет, но больше ничего предложить не могу, – черт! По привычке готов взрываться, как порох, потому что почувствовал себя обиженным.

– Нет, что вы?! – в темных глазах заплескался испуг. – Я просто не знала, что мужская футболка может так пахнуть... Волнующе.

Еще один удар по уже трещавшей броне благоразумия.

Точечный. Острый. Проникающий под кожу и растекающийся там блаженным чувством принятия. Каждая клеточка тела была благодарна за эту скупую похвалу.

– Они отобрали телефон и деньги, а карточку я не пополнила, там ноль. Вы такой. . . ., – видимо, от волнения спазм перехватил горло, и девушка замолчала. Потом смущенно кашлянула и договорила: – Потрясающий. Я вам все верну. Только. . . ., – она помялась в смущении. – Можете мне одолжить денег на метро?

Несмотря на совсем не смешную ситуацию, мой рот непроизвольно разъехался до ушей в глупой улыбке, потому что я явственно ощутил, как сочувствие к этой беззащитной незнакомке теплой, ласковой кошечкой уже забралось в душу и мягко там завозилось. И вопрос: «Что же дальше с ней делать?» уже не стоял. Но на всякий случай я озвучил два варианта.

– Я ж на пробежку вышел, поэтому ничего, кроме ключей от квартиры у меня нет. Пойдем ко мне, придешь в себя, а потом будем решать, что делать дальше. Или давай найдем кого-нибудь с телефоном, вызовем полицию и проведем в участке полночи. И мне все равно придется вести тебя к себе, потому что полиция денег не даст.

– Нет-нет! – торопливо перебила она и в ужасе схватила меня за плечи, бессознательно выпустив из рук футболку. Обнаженной грудью прижалась к моему торсу и, привстав на носочки, умоляюще заглянула в глаза. От прикосновения ее

прохладной кожи к моей разгоряченной меня снова едва не закоротило.

Я отчетливо ощутил твердые горошинки сосков, жарко припечатавшиеся к моей груди. Ее безумно будоражащий запах, ванильно-сладкий, но с легкой перчинкой и мускусным оттенком, словно кокаин, ворвался в легкие, заполняя и опьяняя. Адский коктейль из запаха, тактильных ощущений и самой ситуации бил по нервам, разгонял до бешеного галлопа сердце и мучил разум. Мне показалось, будто по крови перемещаются сотни крохотных иголочек, пронизывающих желанием каждую клетку тела.

– Не надо полицию, – и в этой просьбе было столько отчаяния, что я едва удержался, чтоб не обхватить ее за тонкую талию и не впиться в чувственные, полные губы. Чувствуя, что попал в ловушку, резко выдохнул и аккуратно отстранился. Дома придется еще коня покрепче привязывать, чтобы не ровен час не наброситься на гостью.

– Ну тогда идем! – скомандовал я, лихорадочно соображая, как быть дальше.

Глава 3

Взяв ее за руку, словно потерявшегося ребенка, я был поражен новым ощущением, вдруг нахлынувшим, как тропический ливень – мощно и неожиданно.

Я- то думал, что живу в полном согласии и гармонии с собой и окружающим миром, а тут вдруг обнаружилась та часть жизни, которая была не видна, как слепое пятно. Совершенно потрясающее чувство – возможность о ком-то заботиться – многократно усиленное сексуальной притягательностью объекта заботы.

Возможно, девушка дошла бы и сама, но держать ее мягкую, теплую ладонь было сродни сладкой пытке. Невольно хотелось сжать нежные пальчики, чувственно погладить середину ладошки, с звериным удовольствием замечая учатившееся дыхание, облизывание губ или другую реакцию на такую простую, но явно интимную ласку. Но приходилось сдерживать порывы, чтоб не испугать и без того дрожавшую, как осиновый лист, незнакомку.

Открыв дверь в квартиру, я пропустил гостью вперед и скомандовал:

– Иди на кухню, ставь чайник, а я метнусь к машине, возьму, чем ссадину обработать.

– А можно я с вами? – сдавленно выдохнула девушка. – Я боюсь. И потом, вдруг что-то пропадет или потеряется, а

вы подумаете на меня.

– Я тебя тогда наизнанку выверну, – ляпнул я первое, что подсказала привычка.

– Ну, пожалуйста, я не хочу, чтоб меня наизнанку выворачивали, – поймала волну гостья.

– Идем, – я усмехнулся. – А тебя как зовут, подкидыш?

– Меня зовут Камила.

– Ого, как интересно. А ты откуда?

– Я из Черкесска.

– Ого, – я осекся, понимая, что второе «как интересно» будет уже признаком скудоумия. Поэтому и притормозил сорвавшуюся было фразу.

– Я Данил. А что ты в Москве делаешь?

– Учусь. Данил, раз вы уж взялись мне помогать, разрешите мне позвонить тете. Она волнуется. Я и так задержалась у девочек в общежитии, мы к семинару готовились. А сейчас вообще, наверно, с ума сходит.

– Конечно, звони, о чем речь!

Благодарно взглянув на меня, она взяла телефон.

– Ты наизусть помнишь? – я был приятно удивлен. Обычно хорошенькие девушки могли и таблицу умножения не вспомнить – а зачем, если есть калькулятор в телефоне?!

– Я «Евгения Онегина» наизусть помню, не то, что номер.

Мое интеллектуальное либидо зашкаливало. Если красивое тело радовало только тело, то интеллект уже имел все шансы пустить корни в душе.

– Тетя Зуля, не ругайся. У меня случилась неприятность, я задержалась. Как освобожусь, так сразу буду дома. Пожалуйста, не волнуйся, – очевидно, с той стороны полетели «охи»– «ахи» – причитания, потому что Камила нажала отбой и виновато посмотрела на меня.

– Я не представляю, как появлюсь дома. Она ж у меня как охранник и нянька.

– Вот чтобы ты появилась в более-менее приличном виде, нужно за тобой поухаживать. Идем, раз не хочешь оставаться.

Камила, снова вцепившаяся в мою руку, как в спасательный круг, кинула доверчивый взгляд, который затронул еще одну струну – врожденную склонность к спасательству.

В детстве я заставлял волноваться родителей, заявляя, что буду или пожарным, или полицейским. Но благо родители были богатыми людьми, поэтом и убедили, что можно зарабатывать деньги и помогать полицейским и пожарным спасать людей. Это более эффективно. Что собственно и делал отец, а затем и я сам, оплачивая лечение пострадавших спасателей. Но самым весомым аргументом в пользу отказа от столь рискованной карьеры, стало то, что и пожарным, и полицейским требуется дисциплина. Чего никак не воспринимал подросток, обладавший драчливым, буйным характером.

Спустившись в подземный паркинг, я достал аптечку из машины и озабоченно посмотрел на девушку.

– Может, я тебя все же в травмпункт отвезу? Там и правильно обработают, и посмотрят. Вдруг у тебя сотрясение от удара. А ты тут бегаешь лосенком молодым.

– Данил, пожалуйста, не надо! – еле отцепившись от моей руки, она умоляюще сложила ладошки перед грудью. – Не надо. Я сама обработаю и уйду.

Но уходить ей не хотелось, и точно также мне не хотелось, чтобы уходила она. Он даже не пытался разобраться в чувствах, которые бурлили внутри, как в наглухо закрытом котле.

Вернувшись в квартиру, я, почувствовав себя настоящим Айболитом, усадил девушку на стул, вымыл руки и смочил клочок ваты перекисью водорода, чтобы аккуратно обработать ссадину.

Я пытался делать это максимально отстраненно, однако тела находились в такой опасной близости, что не могло не заискрить. Я ощущал прерывистое дыхание девушки на своем обнаженном животе. Видел, как нервно трепещут крылья ее носа. И от этого по всему телу разбежались сладкие, будоражащие мурашки. Разгоряченная фантазия уже подталкивала меня к кровати, но я, сцепив зубы, держался. Однако всему есть предел. И не прошло и пары минут, как стоп-кран, или сила воли, удерживающая в рамках приличий, сорвался.

Камила не отводила от меня глаз и смотрела так заморожено, что я еле удержался, чтоб не пощупать голову – не свалился ли по ошибке на меня чей-то нимб. Но стало не до то-

го. Девчонка вдруг потянулась губами к моей руке, которой я держал ватку, и обожгла поцелуем запястье.

Сумасшедший разряд, подобный разряду электричества, ударил по нервным окончаниям. Я сглотнул комок, словно опилками забивший горло и хрипло спросил.

– Ты что делаешь?

– Простите! Я ... я не знаю, как вас благодарить, – смущенно зардевшись, ответила она, словно оплетая жарким взглядом каждый мой нерв. И в этом взгляде отчетливо читалось разрешение на дальнейшие действия.

В мозгах заискрило, вспыхнуло, взорвалось и погасло. Разумная часть меня в ауте. Я схватил ее за талию и рывком поставил на ноги. Обхватив ладонями растерянное личико, еще раз, чтобы удостовериться в том, что правильно все понимаю, выдавил вопрос:

– Ты уверена?

Воздух вокруг словно раскалился, наполняя тела мучительно – острым желанием. И непонятно было, какая нота доминировала в этом желании: запретность, порочность, звериная жажда или кружащая голову вседозволенность.

– Вы потрясающий, – жарким призывом слетело с ее пересохших губ. Этот непрямой ответ еще больше распалил вождление, уничтожая все условности. В паху уже все затвердело, до такой степени хотелось схватить эту малышку, смять ее, как лепестки розы, чтоб насладиться их ароматом, выпить ее до дна. И добывая остатки моего самообладания,

она положила руки мне на грудь. Черт!!! Она была такая манкая, чувственная, сладкая, что сдержаться не было никаких сил.

Не помня себя, подхватил ее под попу, а она, будто уже не раз была со мной, уверенно закинула свои длинные ноги мне на талию и теснее прижалась к уже до боли закаменевшему члену. Почти бросив на кровать, навис над ней, сдерживая рваное дыхание. Я до такой степени был возбужден, что пальцы едва справились с пуговицами на ее джинсах. Рывком стащив их, замер, усмиряя бешеный грохот сердца, как голодный тигр, прежде чем наброситься на добычу и окончательно растерзать ее.

Словно растягивая мучительное удовольствие, поверх футболки провел ладонью от шеи до лобка, огладив голые бедра, и только потом вклинил свое колено между ними. Все еще медля, я доводил себя до крайней точки возбуждения, оттягивая сладкий момент.

Накрыв ладонью гладкий холмик, от вида которого еще в парке у меня заломило член, спустился ниже, прошелся пальцами по шелковистым складочкам и едва не зарычал, поймав реакцию Камилы. Она ахнула, подалась навстречу наглой руке, словно напрашиваясь на более интимную ласку.

– Все будет, не волнуйся, – себе под нос пробубнил, пьянея от ее запаха, ее отзывчивости и доверия.

Но девушке было мало. Грудь ее, прикрытая тканью, тоже поднялась, словно требуя внимания.

Кое-как стащив с себя одежду, нащупал в ящике прикроватной тумбочки презерватив и трясущимися пальцами освободил от фольги.

– Ты просто чудо. Сладкая. Сочная. – Словно во сне, разговаривая сам с собой, шептал всякую глупую милоту, даже не отдавая себе отчета. Последней преградой, последним бастионом оставалась моя футболка, надетая на голое тело этой податливой, мягкой и такой чувственной красавицы. И сознание того, что мы знакомы всего пару часов, кружило голову, еще больше опьяняя азартом и адреналином, взрывающая ощущения до пика.

Только я взялся за нижний край футболки, как неожиданная и такая желанная партнерша сама будто выскользнула из нее, открывая моему голодному взгляду упругую, словно налитую, грудь с затвердевшими сосками.

Не в силах больше терпеть, я собирался, как всегда, одним агрессивным движением ворваться в жаркую тесноту, но получилось как-то неловко, словно наткнулся на стенку. Приподняв бедра, усилил напор и почти вбил в невероятно узкую и такую жаркую девочку.

Разгоряченный, я сразу не обратил внимания на легкий вскрик Камилы и произвольную попытку отстраниться. Не заметил, как впились ее ногти в мою спину, оставляя собственные следы. Ведомый первобытным инстинктом, продолжил завоевание, погружаясь максимально глубоко. Опираясь на одну руку, второй жадно, почти грубо лас-

кал набухшие соски, сминая, оттягивая; сжимал поочередно ладонью обе груди, отчего девчонка под мной ерзала и возбужденно стонала.

Почти животное влечение швыряло нас навстречу друг другу, не давая насытиться, заставляя еще сильнее терзать пылающее тело партнера. Неосознанно, захваченная страстью, Камила еще крепче прижалась к паху своего завоевателя и забросила ноги ему на спину. Мне в тот момент показалось, что я ослеп и оглох, потому что меня тут же накрыл мощный, крышесносный оргазм.

Глава 4

Обессиленный, выжатый под ноль, я едва не рухнул на свою, получается, добычу, однако усилием воли довел и ее до такой же яркой вспышки. И только тогда, полностью удовлетворенный, скатился на бок, сграбастав в объятия еще не пришедшую в себя девчонку.

– Детка, ты просто огонь! Спасибо, моя хорошая, – найдя в себе силы, прошептал ей на ушко пошлую благодарность, сам еще не зная, как расценивать то, что случилось. Хотя чего там расценивать?! Взрослые люди по страстному обоюдному желанию занялись сексом... Черт, какая-то херня в голову лезла...

Не глядя стащил резинку и, не найдя куда ее положить, нехотя поднялся и пошел в ванную.

Однако вся моя блаженная расслабленность и истома мгновенно слетели, как осенние листья под шквальным ветром, когда заметил красно-бурые разводы на латексе.

– Что за на х...! Камила! – рявкнул, влетая в комнату и врубая свет. – Что это значит?

Девушка сползла с кровати и уселась на пол, обхватив колени руками. Очевидно, пытаюсь таким образом защититься от моего праведного гнева.

– Ты же... меня не выгонишь? – очевидно, она считала, что на данный момент это самое страшное, что может случиться.

– Еще раз повторяю: Что. Это. Значит, – рычал я, размахивая изделием номер 2, как говорили в Советском Союзе, чуть ли не перед ее лицом.

– Прости, но я не . . ., – голос девушки дрожал, и ей приходилось делать паузы. – Я не хотела тебе говорить, что ты у меня первый, потому что не знала, как ты к этому отнесся бы. Но теперь я свободна. Только не думай, что я специально.

В голосе ее было столько трогательного раскаяния, что я в растерянности швырнул злополучную резинку на пол и сел рядом со своим ночным сюрпризом, вытянув ноги вперед. Обняв одной рукой ее за талию, второй погладил ее по голове и уже более спокойно спросил:

– Надеюсь, твои слова про свободу не означают, что я избавил тебя от ненужного рудимента, и теперь ты сможешь направо и налево пользоваться освобожденной вагиной?

Камила вздрогнула.

– Нет–нет, что вы?! Я же черкешенка! – она гордо вздернула подбородок.

– Ну тогда в чем дело? И перестань мне выкать! Мы уже не чужие люди теперь. Рассказывай.

– Данил, только не подумайте, что я вас грузу своими проблемами.

– Камила, давай на «ты»! А то я себя старикашкой трухлявым чувствую.

– Старикашка не сможет быть таким горячим в постели, – невольная скабрзность вырвалась у нее.

– А ты откуда знаешь? – не имея никаких подозрений, просто следуя логике, спросил я.

– Вот это и есть моя проблема. Хоть на дворе и двадцать первый век, у нашего народа мало что изменилось в традициях. Меня отправили учиться в Москву, так как мой жених занимает важный государственный пост и ему нужна соответствующая визитная карточка. Молодая, красивая, образованная. И обязательно девственная. А ему пятьдесят один год, – моя ночная гостя уже откровенно всхлипывала, вынужденная возвратиться в свою мрачную реальность. – Поэтому я и перечитала в интернете все о том, чем порадует меня муж. Простатит. Импотенция. Мужской климакс, и соответственно, постоянное чувство вины, если не сумею достаточно вдохновить своего господина.

– Ты с ума сошла?! Зачем он тебе? Неужели ты ради денег готова искалечить свою жизнь! – я сел на колени перед ней и тряхнул за плечи. – Камила! Ты молодая и красивая девушка! Зачем тебе этот тухлявый пень?!

– Данил, ты не понимаешь, у нас свои законы. И я не имею права их нарушить. Иначе я навлеку позор на свою семью, и меня проклянут. Вернее не иначе, точно навлеку.

– И ты все равно решила расстаться с девственностью?! Я ничего не понимаю, – я выпустил ее из рук и обескураженно потер подбородок.

– Да, теперь я скажу, что меня изнасиловали, благо на лице есть доказательства, и меня не заставят выходить замуж.

Домой я уже не могу вернуться, чтобы не позорить уважаемого человека. Многие в курсе договора родителей. Возможно, отец разрешит маме приезжать ко мне. Мне же дорога в родной дом будет закрыта.

– Дикость какая! – у меня в голове не укладывалось, как можно заставить девчонку выходить замуж за старика. А ее поступок вообще перевернул все с ног на голову!

– Это еще не дикость! У меня родители не настолько законстелые в следовании обычаям. На Кавказе сами родственники могут убить девушку, которая, по их мнению, опозорила честь семьи. И даже будут гордиться этим. У нас разведенная женщина чуть ли не шлюхой считается.

– И ты использовала меня, чтобы поступить наперекор родным? – да уж, роль ритуального каменного фаллоса, которым девушек лишали девственности у многих племен, меня совсем не обрадовала. И от только что горевшей страсти осталась горстка жалкого пепла. В душе, словно комок соли растворился, так горько и противно стало.

– Нет, Данил, нет! – с жаром запротестовала она. – Я не знаю, что со мной было бы, если бы те подонки меня изнасиловали. Я бы уехала в Китай и работала бы нянькой для панд. Я даже думала об этом.

– Кем? – у меня от изумления отвисла челюсть. Поистине, эта девочка не перестает меня удивлять.

– Нянькой для панд. Там меня точно не найдут!

Видя мою, мягко скажем, удивленную физиономию, она

улыбнулась, и испуг вместе с тревогой исчезли с ее лица, сменившись какой-то просто детской добротой.

– Зарплата хорошая, и ты с ними находишься триста шестьдесят пять дней в году. Поэтому вопрос досуга отпадает. Да и шансы, что меня там найдут, практически равны нулю. И если знаешь, какими люди могут быть жестокими и подлыми, лучшего места не найти. Панды как дети. Они любят обниматься, их нужно развлекать, нужна физическая подготовка хорошая, чтобы с ними бегать. К дисциплине приучать. Печь им кексы с медом из зерна, молочного порошка и яиц. То есть быть самой настоящей нянькой. Терпеливой, заботливой, ласковой.

Черт знает, что творит эта девчонка! От теплоты в ее голосе я опять оттаял. Словно раскаленной иглой она предельно точно ткнула в мое больное место. После смерти родителей, я жил, как бирюк. Пропадал на работе, в спортзале, на пробежке – где угодно, только чтобы поменьше быть дома. Звериная тоска хватала за горло и душила так, что я готов был опять сорваться. После смерти мамы я чуть не спился. Благо Макс вытащил. Но у Макса Алена, родители. И до сих пор, попадая к ним, неизменно чувствую себя детдомовцем.

Вот и сейчас я невольно позавидовал этим пандам. Нет, конечно, мне нянька не нужна, я и сам хотел бы заботиться о ком-то. Но в то же время и самому хотелось бы ласки, нежности, теплоты.

Камила пугливо натянула на себя футболку и, словно из-

виняясь, положила руку мне на бедро. Нет, не с целью забраться дальше, а в знак примирения.

– Данил! Ни у коем случае не хотела вас... то есть тебя использовать. Мысль рассказать об изнасиловании пришла уже потом. А сначала... – она запнулась, стыдливо опустив свои густые ресницы. – Ты мне очень понравился. Я целовалась раньше с парнями. Вернее пробовала, но меня тошнило от их слюны, от запаха. Мне вообще не нравилось, когда кто-то ко мне прикасался. А от твоего запаха у меня просто крыша поехала.

Да-да! Я примитивный примат! И все условные рефлексy у меня работают, как и у них. Похвалили – довольно мурлычу, почесали за ушком – еще громче.

– Ну я, пожалуй, пойду. Спасибо тебе, – она бросила на меня такой трогательный взгляд, что меня как токомшибануло. Тут же мне вспомнились пронзительные строчки из «Юноны и Авось» – «не мигают, слезятся от ветра безнадежные карие вишни...», и я растерялся.

Конечно, в наше время секс не повод для знакомства, но мне совершенно не хотелось отпускать ее. Хотелось быть пандой. Чтобы меня обнимали, пекли для меня кексы с медом из зерна, молочного порошка и яиц.

– Может, останешься? – на всякий случай спрашиваю, но понимаю, что приличная девочка ночует всегда дома.

Она грустно покачала головой.

– Мне нужно закончить институт, и тогда я смогу устро-

иться на работу. А пока меня родители содержат, я не должна бросать открытый вызов. Как только они узнают, что я порченный товар, разразится буря, но, я надеюсь, поддержки не лишат. А если я буду плохо себя вести, то даже не могу представить, что будет. Хотя нет, могу, – она печально улыбнулась. – Я буду никому не нужна, и смогу тогда еще раз приехать к тебе. Если ты к тому времени не забудешь меня.

– Камила, давай будем решать вопросы по мере поступления. Давай я сейчас тебя отвезу домой, а встретиться можно и необязательно вечером. Твоя тетушка ж днем не стережет тебя. В любом случае, я хочу знать реакцию твоих родственников. Ведь как-никак я приложил руку к расстройству свадьбы.

– Ну, ты не только руку приложил, – чертовка опять повергла меня в шок. В мозгах словно переклинивало – пугливая горная козочка с моралью домостроя и вворачивающая такие двусмысленности раскрепощенная современная девица. И этот разрыв шаблона интриговал, подбивал получше узнать ее, затягивал, как в омут болезненного любопытства и откровенного желания еще не раз затащить ее в свою постель.

Она легко поднялась и вдруг, словно вспомнив, что мы еще и одних суток не знакомы, смущенно опустила глаза и быстренько натянула футболку. Потом еще раз для верности одернула ее.

– Камил, а как ты объяснишь, что одежду на тебе изорва-

ли насильники, а футболка – мужская. Тетушка задаст резонный вопрос: «А ты, что же, в отместку с кого-то из них содрала?»»

– Нет, скажу, что вернулась в общежитие, и девочка дала свою спальную футболку, – она смешно сморщила носик, а потом посерьезнела. – И что же мне делать?

– Давай я позвоню Максy, и он привезет что-нибудь из вещей Алены, его девушки. Или нет. Он меня пошлет в дальний пеший поход. Давай мы к ним заедем сами, а потом уже я тебя завезу домой.

Вот стоит совершать благородные поступки!!! За тот взгляд, который мне подарила эта совершенно необычная девушка, можно землю перевернуть!

Глава 5

Пока я купался в сладких воспоминаниях, уже и Макс отчитался и сказал, что скоро подъедет.

Первое, что меня волновало, это – позвонил ли он Камиле. К своему стыду, я должен признать, что веду себя, как трус. Я уверен, что эта воспитанная девочка тихонько вздохнет, но, как и положено, будет держать лицо. И своего мужчину не будет ни в чем упрекать. Все, типа «Как ты можешь, ты же обещал!» – это не про нее. Тем более, что брак нужен больше ей, чем мне.

Она только скажет, что понимает меня, и раз я не приехал, значит, имею на то веские причины. Поймет и простит. И даже не будет вспоминать, бросая укоризненные взгляды.

Но противная необходимость оправдываться, словно удав, сжимала своими кольцами мою душу. Я и так не самый крутой специалист по извинениям, а тут понимаю, что реально накосячил.

Нет, я ничего не имею против. Жена из нее получится замечательная. И мне, как говорит тетя Даша, мама Макса, пора уже остепениться.

Я предельно ясно осознаю, что не схожу с ума от Камилы. Секс улетный. При этой мысли не могу сдержать плотоядную ухмылку. За короткое время я научил ее многому. Она экстерном прошла курс молодой куртизанки. Не фыркала «Я не

такая», а просто доверилась мне. Конечно, до чемпионских титулов еще далеко, но мы же только начинаем жить. И уж под одной крышей быстренько восполним пробелы в теории и подгоним практику.

Конечно, сейчас я конкретно ее подставил, да и себя лишил уже давно заслуженного семейного уюта. Придется побольше денег дать, чтоб в ЗАГСе нашли окошко в записях без ожидания в месяц-два и на любую дату. Хоть на тринадцатое число на тринадцать часов тринадцать минут.

– Чего рот растянул до ушей? – Вырвал меня из моих чувственных грез нарисовавшийся Макс.

Я вышел из машины, собираясь идти в отделение и завершить уже свою миссию. Попробовать извиниться за то, что был не в себе. На душе снова стало так паршиво, будто кошки нагадили.

– Представлял себя уже молодоженом. Ты позвонил Камиле?

Мой друг, мой верный Санчо Панса, демонстративно закатил глаза и мученически вздохнул:

– Конечно, позвонил. Но ты не достоин этой девочки. Она просто ангел. Первым делом, знаешь, что спросила?

– Ну?

– Она спросила – не пострадал ли ты? Понимаешь, она не о себе подумала, а о тебе!

Мое мужское Эго чувствовало себя домашним жирным холеным котом, которого только что почесали за ухом и на-

кормили свежей рыбкой. С трудом спрятав самодовольную ухмылку, я натянул серьезную мину и скомандовал:

– Ну, пошли?

Но вместо того, чтоб идти, Макс замялся.

– Ден. Тут такое дело. Может, лучше я один схожу?

– Ты и так за меня отдуваешься. Мне определенно нужно как-то загладить, ну ... не вину, а неприятность, – я отказался от еще одного жеста доброй воли.

– Ты лучше сюда взгляни.

Я непонимающе уставился на документ в самой обычной, невыпендренной обложке с надписью «Паспорт».

– И?

– Ден, только не нервничай. По машине кулаком не бей, мусорки не пинай, плохими словами не ругайся. Не злись. Обещаешь?!

– Макс, ты ж знаешь границы моего терпения очень узкие. Не тяни kota за репродуктивные органы.

– Она Омарова.

Я с тяжелым сопением втянул воздух и так же громко выдохнул, намекая, что уже злюсь.

Не давая мне в руки, он раскрыл паспорт на странице «Семейное положение»

Я еще не совсем воспринял информацию, которую отсканировал мозг, но почувствовал, что земля вдруг закачалась. С математикой у меня проблем нет, и, несмотря на бокс, башка не отбита, поэтому я моментально сложил два и два.

Сложил и понял, что сейчас меня разорвет от желания разбить машину или пойти придушить ту мерзавку, которая уже дважды отравила мне жизнь. И если с женьбой вопрос неприятной, но отложенный, то смерть моей матери исключительно на ней.

Я буквально рухнул на сиденье.

– Макс?! Получается, когда мама болела, наш положительный дядя Омар путался с этой прощмандовкой? Дата регистрации брака пятнадцатое октября, а мама умерла первого. Сука! Две недели! Втихаря. Наверно, она догадывалась, что этот козел ей изменяет, но его ж нельзя уличить ни в чем. Извернется, как уж на сковородке.

Зря друг опасался за машину и мусорки. Я перегорел. Изменя, словно из надувного шарика, выбило дух. Накатилась такая звериная тоска, что хотелось просто сдохнуть.

– Так, может, я все-таки сам? – повторил Макс, зная, что в запале наговорю лишнего.

– Нет, я хочу посмотреть в глаза этой сучке, которая вместе с отчимом захапала половину наследства, – горечь просто захлестывала, выворачивая душу наизнанку. И как заезженная пластинка, повторил: – Хотя, конечно, больше хотелось бы придушить.

– У нее ребенок, – предупредительно выставил ладонь Макс, словно боясь, что я, и в правду, собираюсь ее убивать.

– И когда родился? – хрипло спрашиваю, будто этот факт как-то может уменьшить степень моей ненависти.

– Уже в законном браке. Через десять месяцев. Девочка. Анна.

– Странно. Почему не Джамиля какая-нибудь... А сколько ей лет?

– Семь лет.

– Да нет, этой..., – мне даже не хотелось уже говорить «сучке», потому что безликое местоимение больше подходило к случаю. Я не хотел, чтобы она вообще была, чтобы она существовала.

Макс кинул на меня подозрительный взгляд.

– Стесняюсь спросить, что за интерес?

– Любопытно. На вид не старая. Только тощая. А там кто его знает, с нынешними технологиями запросто можно молодое лицо сделать. Особенно, если учесть, что получила же-нишка с неслабым приданым. Отчим хоть мужик и довольно видный, но жизнью-то уже потасканный изрядно. И я вот думаю, какого черта молодые бабы выходят замуж за старперов? Неужели деньгами можно так замазать глаза, что не видно будет свисающего пузца? Или ватный член тверже кажется? Или песок, который с них сыплется, превращается в золотой? Скажи, Макс?

– Ден, давай доживем до того возраста, может на самом деле песок и не сыплется? Да и Омар к тебе неплохо ж относился.

– Ага, и до сих пор на мои бои приходит. Только мне кажется, что делает ставки на мое поражение.

– Треснулся башкой? Зачем ему это?

Я пожал плечами. Просто подумалось именно так.

– А зачем ему жениться через две недели после смерти матери? Мы же с ним и не общаемся, и не созваниваемся. И «сынка» с дняхами он не поздравляет. Ну теперь- то понятно, почему разошлись – а то б я еще в гости приперся, как к родственнику, а там – молодая жена. Вдруг возьму и украду, как цыган лошадь. Так сколько ей лет?

– Лошади?

– Остряк самоучка!

– Двадцать шесть. Все ж не пойму, зачем тебе эта информация?

– Знаешь, болезненное любопытство мазохиста – отди- рать на ранке засохшую корочку. Хочу до конца расковырять ее. И если честно, хочу узнать, где у отчима «кнопка». Пом- нишь, фильм про Электроника старый? Так вон там банди- ты выясняли, где этот Электроник «вкл/выкл». Меня прямо раздрает, как этот козел умудряется так баб склеивать, что они за ним в ЗАГС прутся, наследство оставляют. Я на ма- му не обижаюсь. Наверно, после смерти отца он ее вытащил из депрессии. Но за наследство зло берет. Я не бедствую, но отец пахал, как конь, чтобы заработать состояние.

За рассуждениями я почувствовал, что злость немного утихла. Если мама повелась на его сладкие речи... Может и у этой... были какие причины?

– Ладно, пойдем. Фарш невозможно повернуть назад. Я

в порядке.

Если так можно назвать настроение «гаже некуда».

В регистратуре мы узнали, где лежит безымянная пациентка. На удивление, ее не оставили в коридоре, как бомжичку без полиса и документов. А положили в палату. Очевидно, портреты Франклина способны творить чудеса.

Но не успели мы к ней дойти, как меня перехватил тот самый Айболит, на которого я наехал..

– У меня есть, что вам сказать. Очень серьезно.

Меня удивило, что в его тоне не было ни малейшего намека на уважение.

Я отстранился, пытаясь посмотреть на него именно серьезно, потому что начало диалога совершенно не вдохновило на общение.

– Или вы гарантируете, что больше эту женщину пальцем не тронете, или я буду вынужден сообщить полиции.

– Ты что несешь, ветеринар? Какая женщина? Да я к ней пальцем не притрагивался.

Айболит презрительно посмотрел, будто разговаривал с насекомым.

– А следы на ее теле не от пальцев.

– А ты что бессмертный?! Ты чего это решил, что можешь тут кого-то за ноздри водить, – утихшая было злоба, как змея, свернувшаяся в клубок, моментально подняла голову. Я угрожающе двинулся к нему. Однако на лице Айболита не дрогнул ни один мускул, что меня еще больше взбе-

сило. Я до хруста сжал кулаки, понимая, что здесь не место пускать их в ход. Но Макс, мой верный оруженосец, во избежание неприятностей, тут же вклинил свое отнюдь не богатырское тело между нами. Этот очкастый ботан, которого я всю жизнь защищал, теперь защищает меня самого от себя.

– Господа! Давайте без эмоций.

Я выдохнул.

– Это что, она тут понарасказывала? А ничего, что я ее первый раз в жизни увидел, когда эта дура чуть не угодила мне под колеса?! Хорошо, что у меня реакция и конь надежный.

Айболит, тоже горевший праведным гневом, смерил меня подозрительным взглядом.

– Ничего не понимаю. Так вы ее сбили, получается?

– Я затормозил перед ее носом. Она, очевидно, инстинктивно попыталась руками оттолкнуть машину и не удержалась. Упала на задницу. Максим ее поднял, она смотрела на меня. Потом потеряла сознание. Все.

– Ну я так и предполагал, потому что гематомы в области живота и бедер примерно позавчерашние. Похоже от удара тупым предметом.

– Каким? – невольно вырывается вопрос.

– Я б сказал головой, потому что только тупая скотина может избивать такую тростинку. Собственно, отсюда и возник вопрос о полиции. Но мне она сказала, что упала. Без заявления пострадавшей мы, конечно, не можем обращаться

в полицию.

Я прямо проникся уважением к нему. Пытается выяснить суть дела, не побоялся здоровому бугаю ультиматум ставить. Неравнодушный. Не растерял человечность, впахивая за копейки. Или слово «тростинка» говорит о какой-то личной симпатии? Почему-то мне эта мысль не понравилась. Хоть и не по-хорошему, но пострадавшая ж типа какая-то родственница...

– А отчего сознание потеряла? – я боялся, что она все-таки при падении стукнулась головой и, как курица с отрубленной головой, еще не сразу отключилась. Не хотелось стать причиной сотрясения какого-нибудь. Странное дело. Или дело к старости идет, или у меня самого проблемы с головой. Я начал сочувствовать той, которую должен ненавидеть.

– Травмы головы нет, скорей всего это следствие нервного перенапряжения. Нервная система не выдержала последней стрессовой ситуации, отсюда потеря сознания как защитная реакция.

Макс посмотрел укоризненно на меня, понимая, что стало последней каплей, и я понял, что придется, наступив на горло своей неприязни, пойти и выдушить из себя пару извинительных слов.

– Мы тут документы принесли. Можем пройти? – снова друг взял на себя роль главного.

– Да, если обещаете не разговаривать с ней в таком тоне,

как сейчас со мной.

Да что ж сегодня за день-то такой?! В Америке есть День Благодарения. День Сурка. Интересно, а день Стыда есть где-то? Похоже, у меня именно он. Очередной раз я чувствую себя как у позорного столба.

– Ладно, док, извини. У меня перебор с негативом сегодня.

– Бахилы и накидки возьмите, – отпустил мои грехи Айболит. Коротко и по-мужски.

– Ее Лада зовут, – проинформировал меня Макс.

– Ага, – буркнул я.

Мы вошли в палату. Да. Не VIP. Но чистенько. Как говорила мама. В палате было шесть коек. Кроватями это нельзя назвать. Узкие лежаки с крашеными железными спинками. Койка Лады стояла в углу, возле окна. Это и было ее единственным развлечением – отрешенным взглядом гипнотизировать макушки деревьев.

Очевидно, у нее с нервишками и, правда, проблема. От звука открывшейся двери она вздрогнула, едва не вырвав жало капельницы, воткнутой в руку. А узнав посетителей, совсем сжалась, превратившись в испуганного воробышка.

Черт, наверно, она решила, что я, правда, какой-то отморозок. Щемящая жалость вонзила иголки прямо в душу. Не успев сообразить, что делаю, я инстинктивно поднял обе ладони вверх. Очевидно, тело среагировало раньше, чем мозг, и выдало этот миролюбивый жест. Макс, увидев это, заржал,

как конь. Ну не то, чтобы конь, скорей богатырский конь Юлий из мультика.

– Лада, – негромко, словно подтверждая мои добрые намерения, решил я сразу обратиться по имени.

Поскольку своих вещей у нее не было, ее переодели в безразмерный больничный халат, который был явным старожилом, если не ровесником этой больницы.

Подойдя ближе, я с болезненным любопытством принялся разглядывать девушку. Самые противоречивые чувства смешивались в таком выворачивающем душу коктейле, будто его сюрпризом бармен-шизофреник сделал.

Обида за мать, стыд за свое поведение и откровенная жалость и желание помочь, пригреть, словно бездомного щенка.

– Лада, – повторил я, неожиданно осознавая, что мне нравится это вроде бы русское, но такое редкое имя. Как редкий цветок. Да она и сама была похожа на такой цветок. Причем, наверно, занесенный в Красную книгу, потому что вымирающий в неподходящих условиях.

Попытался себя одернуть и остановить карусель в голове, но не получалось. Я откровенно пялился на нее, жадно сканируя каждый штрих внешности.

Светлые волосы стянуты на затылке в слегка растрепанный хвост. Оно и понятно, только очнулась, сумки с расческой нет. Красивое лицо с точеными чертами даже не портила откровенная худоба. Или это дань моде – впалые ще-

ки, обтянутые скулы? На мой взгляд, не мешало бы слегка округлить, нарастить жирок, что ли... Голодает? Но вещи, я вспомнил сейчас, на ней были приличные. Да и сумка, которую мы принесли, явно не в переходе куплена. Не чувствуется, что отчим совсем уж экономит на ней.

Бледные губы, ровный изящный нос. Кожа суховатая, а возле глаз даже видны легкие морщинки, совершенно не по возрасту. И только одни глаза, казалось, жили на этом лице. Удивительное сочетание яркого орехового цвета вокруг зрачка и насыщенный зеленый дальше. Большие, миндалевидные, какие-то магнетические. Несмотря на мелькнувший в них испуг и, очевидно, давно поселившееся усталое безразличие, я увидел то, что делало привлекательным для меня любого противника – вызов.

Мимолетный, быстро исчезнувший, но явно различимый.

– Вам показалось мало, и вы пришли еще что-то высказать? – Лада нарушила затянувшуюся минуту молчания. Слова прозвучали довольно тихо, но очень четко.

– Нет, я уже высказался. Повторяться не люблю, – опять мне попала шлея под хвост, и мирные планы оказались на грани срыва. Будет мне вычитывать тут! А я еще сочувствием проникся! Небось, боком выходит чужое несчастье.

– Мы принесли вашу сумку и свои извинения, – Макс, уже свикшийся с ролью парламентария, поспешил вклиниться в наш нескладывающийся диалог.

– Я тоже хотела извиниться. Я была невнимательна, – в

голосе Лады послышалась виноватая нотка. Однако только нотка. А не такая она запуганная, как кажется?! Признает, что сама поперлась на красный свет, но моего праведного гнева не оправдывает.

Хотя положила руку на сердце, грубость частенько из меня выплескивается. Надо бы сдерживаться. Если разобраться, не только меня жизнь по голове била. Эту вон еще и муж отпинал, как последний отморозок.

Скорей всего огребла из-за вот этой чертовщинки – такая тростинка, беззащитная, почти прозрачная, а в глазах, пусть даже сейчас почти потухших из-за передрыг, мелькает отблеск огня. И я представил, какое пламя полыхнет, если ее откормить и дать сытой жизни. Это пламя способно разбудить бесов в душе – захочется ее подчинить. Намотав на руку ее хвост, захватить в плен, впиться поцелуем. Заставить стонать, извиваться, задыхаться от страсти. Или же боготворить.

– Вы не обижайтесь на Данила, он вообще-то правильный...

Оказывается, пока меня унесло, хрен знает куда, Макс что-то уже вещал...

Что бы я делал без него? И сейчас, когда меня раздрает на части, он старательно приглаживает мой образ невоспитанного неандертальца. Сказать или пожалеть ее? Позлорадствовать или промолчать и поставить плюстик карме?

– Спасибо, что привезли меня в больницу, – звонкие ко-

локольчики звенели в ее голосе. И я готов отгрызть себе ухо, если она стерва. Чистый взгляд и эта уравновешенность, несмотря на раздерганную психику.

Неприязнь к ней, плескавшаяся в чаше, вдруг перетекла в другую – добавила негатива в чашу отчима. Молодая ж девочка совсем была – что ей стоило лапши на уши навешать? Я уже чувствую, что становлюсь ее адвокатом и собираюсь подтвердить добрые слова Макса обо мне.

– Лада, а вы знали, что ваш муж, когда еще ухаживал за вами, был женат? И с вами оформил отношения через две недели после смерти первой жены?

Да-да! Это я! И пусть мы никогда больше не встретимся, мне все равно важно иметь правильное представление о человеке. Я не смог удержать вопрос, который буквально жег язык. Не знаю, что я буду делать с этой информацией, но мне так буде легче. Тем более, если она не подозревала о существовании жены, значит, и мама о сопернице не знала. И соответственно, не мучалась хоть от этого.

Девушка вскинула на меня изумленно – испуганный взгляд, будто у меня на плече ручной черт сидел. Она и так была бледней поганки, а от моего вопроса буквально поседела. Очевидно, я задел такое больное место, что впору ожидать второго обморока.

– Откуда вы знаете моего мужа?

– Это вопрос. А мне важен ответ.

– Вы не прокурор, чтобы требовать ответа. Это моя жизнь,

и она никого не касается, – взяв себя в руки, снова почти спокойно ответила она.

Вот же стойкий оловянный солдатик! Если больно, люди плачут. Если чувствуют вину и не хотят признавать – начинают нападать. У нее не пойми что за реакция.

– Я пасынок вашего мужа и сын той женщины, которую вы обманывали! Я видел ваш паспорт.

И ведь уже почти убедился, что она не при чем, но нет, опять скатился к обвинениям.

– Так не бывает! – ахнула Лада.

– Так да или нет? Или вы по-прежнему считаете, что я не имею права знать?

– Право – это юридический термин, – машинально произнесла девушка. – Этого просто не может быть!

Она снова вскинула на меня взгляд, который ножом повернулся в моем сердце.

– Я не знала, что он женат, – добавила тихо. – Я никогда бы не причинила другой женщине боль. Напишите свой номер телефона. Я вам позвоню.

Одной рукой она неловко расстегнула молнию на сумке и достала небольшой пружинный блокнотик и ручку.

– Давайте я в телефон просто забью, к чему эти сложности? – мне, конечно, польстило, что красивая девушка просит мой номер телефона. Но здравый смысл подсказывал, что она это делает отнюдь не из-за того, что я красавчик.

– Нет-нет! – вот тут уже испуг отрезонировал в ее голосе.

Я понял, что она хочет чем-то поделиться. Возможно, вернуть какую-то мамину вещь... Но мучительный страх, отражавшийся во взгляде, подсказывал мне, что ей сейчас тяжело возвращаться в то время. Да, похоже, и в этом времени у нее совсем не радостно.

Глава 6

Едва за неожиданными посетителями закрылась дверь, я обессиленно закрыла глаза, оказавшись где-то между настоящим, прошлым и сомнительным будущим.

Только сейчас ощутила, что конечности от стресса превратились в ледышки, и сильно сомневаюсь, что если надо будет встать, ноги меня удержат.

Этот Данил стал последней соломинкой, сломавшей спину верблюду. Сказать, что мир как-то вдруг перестал существовать – было бы неправильно. Это убеждение, словно на чудовищной карусели, носилось у меня в голове уже который месяц. Если раньше еще периодически возрождалась надежда, казалось, что вот-вот забрезжит свет в конце тоннеля, то сейчас однозначно это мог быть только свет мчащегося навстречу поезда.

Выпотрошенная тушка красивой зверушки в руках таксидермиста. Гладкая блестящая шерстка, глаза – яркие изумруды, потому что хозяин, заказавший чучело некогда любимой кошечки, богат и может позволить себе сделать роскошный посмертный апгрейд своей бывшей любимицы.

Такое ощущение не покидало ни днем, вытаскивая все нервы и наматывая их на раскаленные спицы душевной боли, ни ночью, острыми лезвиями разрывая сон.

Я поняла, что многие вещи уже делала на автомате. Меха-

нически подносила ложку ко рту, включала телевизор, бездумно протирала за прислужгой пыль.

Удивительно, что на приемах, куда муж брал, как обязательный атрибут надежного компаньона и успешного человека, я умудрялась не перепутать имена, распознать шутку и адекватно ситуации улыбнуться в ответ, осознать, что мне отвесили комплимент и поблагодарить.

Меня словно обернули в несколько слоев газет, как дорогую посуду при переезде, и уложили в коробку, лишив возможности видеть и слышать жизнь. Причем физически никто не ограничивал – делай что хочешь, иди куда хочешь. Я привязана к мужу крепче стальных канатов.

Одно время мне казалось, что я уже смирилась с бессмысленностью своего существования. Единственное, что удерживало на плаву – моя малышка, которую я обязательно верну. И это бесконечное будущее время – верну! Иногда страх и тоска так накрывали, что хотелось умереть. Но осознание того, что с моей смертью Анечка останется совершенно беззащитной, заставляло подниматься и изыскивать ресурсы, пытаться разглядеть жизнь вокруг сквозь мутное стекло бессилия.

Хотя с меня самой защитник – курам на смех.

Надломленная, словно бледный росток, пробивающийся сквозь асфальт, я тоже пыталась пробиться к жизни. Сквозь боль. Сквозь слезы. Сквозь отчаяние. Сквозь ненависть и обреченность.

Я отношусь к тем хрупким и трогательным созданиям, которые не способны на открытое противостояние, на борьбу. Я не способна вгрызаться в глотку и рвать противника, как бультерьер. Я не боец. Скорей похожа на карликовые березы в тундре, которые выживают и в морозы, и под шквалистыми ледяными порывами. Они распластываются по земле, но не ломаются. И после бури вновь поднимаются.

Хотя у всего, наверно, есть запас прочности. После того, как узнала ужасную тайну монстра, который является моим мужем, я, кажется, потеряла надежду на какие-то изменения.

С каждым разом подниматься становилось все трудней и трудней. Я это уже отчетливо понимала. Осознавала, что инстинкт самосохранения постепенно угасал. Делать бутерброды и порезаться? Легко! Упасть на ровном месте? Сколько угодно!

Даже иногда ловила себя на мысли, что неосознанно напрашиваюсь на внеочередной урок от мужа. Прекрасно изучив до мелочей, знала, что может вызвать его ярость, но, словно повинувшись чьей-то команде на самоуничтожение, я делала что-то из запрещенного списка. Правда, этот список постоянно расширялся, и как следствие, синяки надолго не исчезали с тела.

А сегодня, будто получив еще один приказ, едва не угодила под колеса. Только я об этом вспомнила, голова закружилась – настолько ярко представила картину. По телу побежали мурашки, и я потянулась за одеялом, то ли чтобы со-

греться, то ли по-детски спрятаться.

Редкий проблеск интереса к жизни вытащил меня из дома – я решила прогуляться в парк, посидеть у воды, покормить уток. Не так давно посетила мысль, что можно через силу помогать кому-то и хоть таким образом осознавать свою нужность. Однако, даже для того, чтобы записаться в волонтеры, нужно иметь силы. А их-то у меня просто не было, поэтому я заставила себя каждый день делать хоть что-то, что принесет радость. Набраться сил, чтобы выжить, сбежать от тирана и вернуть мою малышку.

Полностью погрузившись в свои мега-планы, я шла, как на автопилоте.

Приближаясь к пешеходному переходу, заметила, что людской поток замер. Бездумно гипнотизируя светофор, отключила все мысли, и как только цвет на нем сменился, первой шагнула на дорожку.

Пронзительный визг тормозов и оглушительный скрежет, как лезвием по нервам, выдернули меня из прострации. На меня, как исчадие ада, надвигался огромный черный джип. От испуга я выставила руки вперед, даже не надеясь остановить этот танк, но он уже и сам встал, как вкопанный. Я же потеряла равновесие и позорно шлепнулась на задницу.

Не понимая, что происходит, испуганно огляделась – я одна украшала собой пешеходную дорожку. Одна, рванувшая, как камикадзе, на красный свет!

Из этого жуткого катафалка выскочил владелец, под стать

автомобилю. Коротко стриженный, мощный, тогда он мне показался вылитым братком из криминальных сериалов. Только в отличие от них, одет был не в косуху и джинсы, а в дорогой темный костюм, не скрывающий его угрожающую внешность, а еще больше подчеркивающий ее, обтягивающий бугры мышц. Этот самый Данил, который сейчас меня поставил перед страшным выбором. Я должна для себя решить: подвергнуть риску себя или его, предостеречь по факту чужого человека или предоставить возможность совести всю жизнь грызть меня.

Пока он был абстрактным сыном бывшей жены, мой внутренний контролер, как страус, закопался в песок и не хотел вылезать. Сейчас он стал конкретным Данилом. Импульсивным, горячим, грубым, но, как сказал друг, правильным...

– Ты куда прешься, курица безмозглая! – меня до сих пор передергивает от его рыка. Одним прыжком подлетел ко мне и, схватив за плечи, встряхнул так, словно собирался выбить из меня душу. – Тебе если жить надоело, идиотка, так иди с моста прыгай! А не порти другим жизнь!

Из машины, видя, что дело принимает опасный оборот, быстренько выпрыгнул его спутник.

– Дэн, отпусти. Ты же ее сломаешь! – потребовал он. И хотя ростом и комплекцией вышедший сильно уступал Данилу, тот нехотя, но все-таки послушался.

Он разжал руки так же внезапно, как и схватил. Как разжимаются клешни, выпускающие мягкую зверюшку в иг-

ральном автомате. Я пошатнулась и упала бы, если бы Максим не удержал.

– Ты понимаешь, что она наделала?! Овца тупорылая! Я опоздаю на собственную свадьбу! Ты это понимаешь? – в бешенстве он крутнулся на пятках, будто собираясь в прыжке нанести виртуальному противнику сокрушительный удар ногой. Выкрикивал в исступлении слова и, словно не зная, куда девать руки, принялся яростно тереть нос. – Макс! Ты понимаешь?! Я опоздаю на свадьбу! Пока гайцы приедут, пока все оформят! А кто будет платить за ремонт?! А, скажи?!

От водителя ниссана, врезавшегося в его машину, он отмахнулся, словно от назойливой мухи и, не собираясь заканчивать свой ор, снова насыпался на меня, замершую, как суслик при виде опасности. Он навис надо мной, как скала, и, грубо взяв за подбородок, угрожающе зарычал:

– Вот ты и будешь! Потому что я не собираюсь быть крайним! Ты наркоманка, наверно?! Или из психушки удрала?

Я почувствовала, что меня словно накрывает мощной лавиной, и последние слова уже так и воспринимала – как сквозь толщу снега. Мои испуганные глаза с расширившимися от страха зрачками натолкнулись на колючий, пронзающий взгляд.

Словно злой колдун, Данил тогда готов был испепелить несчастную, то есть меня, попавшую в эпицентр его гнева.

Последнее, что я еще успела осознать, были негромкие слова Макса, прилетевшие сзади.

– Дэн, ты что несешь? Пострадавших нет, сейчас оформим Европротокол и разъедемся. Мужик вроде адекватный. Стоит, ждет, пока ты наорешься.

Нервное напряжение было слишком велико, и мне показалось, что кто-то, возможно, даже этот ужасный Дэн, вдруг дернул невидимый рубильник и выключил дневной свет, отрубил все звуки и погрузил мир в небытие. Безвольным кулем я снова начала оседать на землю, но не упала, потому что меня кто-то, очевидно опять Максим, успел подхватить.

Интересно, какому впечатлению верить больше первому или второму? Данил встряхнул меня не только физически. От этого воспоминания снова передернуло. Такой большой, сильный, импульсивный. Под горячую руку ему лучше не попадать.

Да чтоб тебя! Как говорят, голодной куме одно на уме. И я мужчин оцениваю по критерию – насколько сильно может ударить. Совсем атрофировалась как женщина. А сейчас почему-то стало так грустно. Хоть Данил и выглядел злым и жестким, но мне кажется, что он, если полюбит, будет очень заботливым и нежным. И я даже позавидовала той, которая не дождалась его в ЗАГСе. Если он кинулся меня спасать, повез в больницу, значит, уверен, что она поймет.

Жалость к себе захлестнула тяжелой удавкой душу, и от бессилия что-либо изменить в своей жизни я готова была расплакаться.

Однако слезы, которые уже подступили к глазам, тут же

высохли, как редкие капли дождя в жаркий день.

Чем больше я думаю о Даниле, тем больше понимаю, что не смогу остаться в стороне. И подставлю под удар себя. Если я ему расскажу о дневнике мужа, он же не сможет сдержаться. Он его избьет, а тот избьет меня, если совсем не убьет.

Не зря же из мифологии пришло столько фразеологизмов – они живучи. Вот «Ящик Пандоры» это как раз ко мне.

Глава 7

Видимо нелегкая принесла меня в тот ведь день к кабинету мужа. Дверь была чуть приоткрыта, и я замерла, не решаясь войти. Он сидел за столом и что-то писал ручкой. Это была явно не деловая бумага – да и кто их от руки пишет?! Он явно был чем-то вдохновлен. На лице сияла торжествующая улыбка, будто мой благоверный хотел поделиться с любимой бабушкой своими достижениями. Поджимал губы, покусывал их, словно боясь упустить даже малейшую деталь. Видно было, что он смаковал каждое слово, потому что выводил предложения на бумаге очень медленно.

Конечно, самое последнее, что я могла подумать, это что он начал писать какой-нибудь роман. Бредовая идея, но больше ничего в голову не приходило. Хотя даже если и роман, то все равно на ноутбуке удобней. Не думая, что там может быть какая-то тайная информация, я тихонько отворила дверь.

– Омар, мы же собираемся к Анечке? Мне уже пора визу оформлять, – робко я просочилась внутрь и напомнила о важном. И тут же чуть не рухнула от страха.

Умиrotворенное выражение сползло с лица мужа, как вода со стекла. Он торопливо захлопнул большой блокнот, и я увидела, что он, действительно, похож на фолиант. Черная кожаная обложка и золотое тиснение. В мозгу промелькнула

леденящая душу мысль – как надгробие.

Муж зыркнул так, что у меня чуть ноги не подкосились.

– Я, по-моему, русским языком сказал, что запрещаю входить в мой кабинет, – чеканя слова, будто высекая их из арктического льда, чуть ли не по слогам произнес он.

Свой расстрельный список я знаю, и никогда бы не сделала того, что там указано. Но тот упрямый чертик, которого еще не удастся до конца сломить, толкнул меня в бок и, хотя мозг понимал, что лучше заткнуться, я не сдержалась.

– Омар, я помню все твои запреты и стараюсь не нарушать их. Но ты приказал не заходить в кабинет в твое отсутствие. А сейчас-то ты в кабинете! И дело важное. Я хочу видеть дочь.

Господи, научусь ли я когда-нибудь не включать эмоции? Но нет, это выше моих сил. Почему я, как бесправная рабыня, должна жить в разлуке со своим ребенком?! Я уже ко многому относилась равнодушно. Не заходить в кабинет? Да пожалуйста! Не приводить в дом подруг? Легче легкого!

Отчитываться о покупках – без проблем. Но когда речь заходила об Анюте, меня начинало трясти, голос срывался и мои постоянно сдерживаемые чувства выплескивались.

В эти моменты я не могла скрыть свою ненависть, меня кортило, и я готова была броситься с кулаками на него, даже понимая, что только от одного его удара улечу угол.

– Тебе заняться больше нечем? Я помню и про визу, и про дочь. И ты еще будешь мне выговаривать, почему наша дочь

в закрытом пансионе учиться?! Да разве у такой бестолковой матери она может научиться хорошим манерам? Ты же ничего не помнишь и постоянно ходишь, как будто коня похоронила! А ребенок должен видеть довольных жизнью людей. Ты никчемное существо, не способное позаботиться о себе, не говоря уже о муже и ребенке.

Муж на этот раз не орал. Говорил медленно и хлестко, словно вытаскивая нити моих нервов и наматывая их себе на кулак.

Как изощренный садист, он постоянно бил по больному, по тому, что еще во мне было живого и не поддавалось умерщвлению. То, что я отвратительная жена и все забываю, меня уже не задевает так больно, Может, с его точки зрения так и есть. Это его мнение. Я смирилась. Но когда речь заходит о дочери, эта несправедливость словно будит во мне дракона, который бушует внутри и все там сжигает, потому что не имеет права выбраться наружу. В такие моменты меня бросает в дрожь, становится трудно дышать, будто кто жесточайшей рукой перекрывает доступ кислорода и наслаждается моей агонией. Вернее, вопрос «кто?» не стоит.

Уже знаю и кто, и зачем, но я еще иногда на что-то надеюсь. Понимаю, что его слова не имеют никакого отношения ко мне, но легче от этого не становится. Не знаю, был ли он и раньше таким, или превратился в монстра, когда понял, что никак не может достичь такого уровня, который бы полностью реализовал бы потребность властвовать. Ему мало де-

нег, мало почтительности вокруг, мало ему кланяются.

Были минуты, когда он становился доброжелательным и даже заботливым, но это так не вязалось с его привычным обликом, словно надевал рубаху с чужого плеча.

Поняв, что варварски разрушила ауру вдохновения, витавшую в кабинете, я заболела идеей узнать, что же так воодушевляет супруга и может ли там скрываться какая-то информация, способная дать над ним власть. Хотя и понимала, что у меня даже не хватит смелости воспользоваться компроматом, но болезненное желание узнать тайну мужа сжимало мою душу, словно клешнями, как только я проходила мимо кабинета. Когда мужа не было дома, я с маниакальной настойчивостью просачивалась туда, не думая, что прислуга может донести, и обшаривала стол. Но, очевидно, он хранил его в закрытых ящиках или в сейфе.

Однажды, когда к нему приехали компаньоны, он повел их в подвал, чтобы похвастаться коллекцией вин. Зная, что на знакомства с его сокровищами уйдет какое-то время, я снова метнулась к столу – и .. «на старуху бывает проруха» – верхний ящик оказался не заперт, и блокнот, лишивший меня покоя, лежал там.

Чуть не теряя сознание от страха, жадно, как пропуск на свободу, я схватила его и наобум открыла.

«– Наденька, ты же знаешь, я полюбил тебя с первого взгляда. Я чуть не сдох, когда ты выбрала Андрея. Пытался тебя забыть с другими, топил тоску в алкоголе, но тебя за-

быть невозможно. Ты единственная, поэтому я и не женился. Все эти годы я грелся возле огня вашей любви и был счастлив по-настоящему. И я понимаю, что ты сейчас и жить не хочешь. Меня тоже разрывает от боли и ненависти к себе, что не смог Андрею помочь. Но поверь, я все сделаю, чтобы вы снова стали счастливы. Насколько это возможно.

Мы должны пожениться, чтобы тебя не разорвали стервятники. Жесткая рука Андрея держала их за жабры. Но одинокая, беззащитная вдова – это такая лакомая добыча! Клянусь, Наденька, я не прикоснусь к тебе и пальцем, пока не закончится траур и ты сама не захочешь. Если нет, я давно привык к тому, что ты недостижимая моя звезда. Мы просто должны спасти бизнес. Ради тебя. Ради Данила....»

Трогательно взлетевшие ресницы, обрамляющие заплаканные глаза... Морщины. Наденька, Наденька! Неужели ты поверила, что твое одряхлевшее тело по-прежнему привлекает меня? Да как только ты стала мадам Беркутовой, кроме желания отомстить, я больше ничего не хотел... И тебе, и ему... и даже вашему щенку...»

Меня бросило в жар, я еле удерживала злополучный дневник в руках, потому что он казался раскаленным.

Я узнала, что Омар начал за мной ухаживать, когда еще был женат, года через три после нашей свадьбы. Примерно тогда же он понял, что у меня не получается повторно забеременеть, чтоб родить ему наследника, и моя жизнь потихоньку стала превращаться в ад.

Дневник открыл мне глаза на страшную суть человека, с которым я живу. Женился ради мести? Мне пора было бежать из кабинета, но ноги словно приросли к полу. Сигналом тревоги в голове билась, как птица в клетке, мысль «Любопытство кошку сгубило», но оторваться от этих чертовых записей я не могла. Они гипнотизировали, не отпускали, заставляя вместе с автором погружаться в его безумный, но рассчитанный, как на весах ювелира, мир. Дрожащей рукой я перелистываю страницу.

«25.09

– Наденька, зачем ты мои часы под подушку свою положила? Рита их там нашла. Если они тебе нравятся, ты только скажи. Я все тебе отдам.

– Но я не брала! Я не знаю, как они там оказались!

Конечно, не брала, это я их туда положил, но тебе точно об этом знать не нужно...

– Хорошая моя! Так бывает у людей, перенесших сильный стресс. Они что-то делают, но не помнят этого совершенно. А ты еще не пришла в себя после смерти Андрея.

О боги! Как же мне нравится эта растерянность, недоумение и испуг! Да, детка, это только начало! Каждый день ты что-то будешь «терять», делать не так, забывать и, в конце концов, согласишься со мной, что тебе нужна помощь врачей.

Но перед тем, как ты попадешь в психушку, ты доставишь мне немало сладких мгновений. Гордая красавица, отверг-

нувшая меня, превратится в рухлядь, немощную старуху. И я, как талантливый режиссер, буду дергать ниточки, ведущие в пропасть....

30.09

– Наденька, родная моя! А почему ты еще не собрана?

– А разве мы куда-то идем? – испуг, метнувшийся в твоих глазах, греет душу, ласкает ее бархатистыми лапками.

– Мы же идем на премьеру. Ты разве забыла?

– Но ты не говорил! – испуг сменяется отчаянием и беспомощностью, и я как открытую книгу читаю тебя: «Или говорил?»

– Надя. Я принес билеты неделю назад, и ты положила их в сумочку. Посмотри сама!

Я наслаждаюсь. Я пью твой страх, твою растерянность, как пчела приникает к цветку и пьет сладкий нектар. Ежедневная игра – это мой нектар. Конечно, я сам положил билеты в твою сумочку и ничего тебе не говорил. Так надо! Надо, чтоб ты превратилась в несмышленное дитя, которое боится сделать хоть шаг без меня. И я тебя направлю туда, куда мне нужно.

Невероятное счастье – понимать, что та, которая тебя отвергла, становится твоей безвольной игрушкой. Игрушкой, которую я скоро безжалостно разломаю и выброшу. Оставив себе на память хороший бонус. Твое наследство, моя дорогая глупышка»

Усилием воли я захлопнула дневник и вернула его на ме-

сто. Меня била крупная дрожь, и нужно было срочно выпить успокоительное, чтобы не выдать себя.

Слава Богу, все обошлось, муж ничего не заподозрил. А сейчас я жалею, что не сфотографировала страницу. В голове мелькнула опасная мысль – а если Данил его убьет?! Я стану свободной! Но тут же совесть, мой вечный тюремщик, укоризненно покачала головой. Нехорошо использовать человека. Свои проблемы должна решать сама. Ведь Данила за убийство посадят. А с другой стороны – если я не предупрежу его, Омар дотянет свои щупальца и до него. Мать ведь довел до психушки! И неизвестно, от чего она умерла...

Я чувствовала, что голова опять начинает кружиться. Схватив кружку с водой – первое, что я попросила, когда очнулась, – отпила несколько глотков.

Сердце колотилось вразнобой, как взбесившаяся заводная игрушка, что было очень некстати – проверить, жива я или нет, пришел мой доктор.

– Лада, как вы себя чувствуете? – ему хватило одного взгляда, чтобы понять «как».

– Все хорошо, – еле двигая бескровными губами, я попыталась бодренько улыбнуться.

– Заметно. Голова кружится, тахикардия, и давление наверно, ниже некуда. Что ж вы, голубушка, до такого состояния себя довели?

Он говорил негромко, спокойно, отчего мне просто захотелось плакать. Этот замечательный Олег Викторович тоже,

наверняка, очень заботливый.

Господи, меня клинит от слова «забота»...

Глава 8

Выйдя из больницы, я не мог дать себе отчета, что пошло не так. Эта Лада, как реальное дитя отечественного автопрома, въехала в мою душу, раскурочив ее. Маленькая, беззащитная, пальцами можно сломать, она сама сломала какую-то стену, которая после смерти матери защищала меня от эмоций. И сейчас они нахлынули, словно бешеный поток воды из прорвавшейся плотины. Мне безумно жалко ее. Не знаю, какая глупость или наивность заставила ее выйти замуж за Омара, но то, что она глубоко несчастна и почти раздавлена, видно невооруженным глазом. А я, получается, еще добавил этому подранку проблем.

Шальная мысль мелькнула в голове. Что, если завернуть ее, как ребенка, в то облезлое одеяло, которым она прикрыта, и унести отсюда? Приютить, как сироту, в своем доме, откормить, дать уверенность, что ее никто не обидит.

Мне нужно звонить своей Милашке, успокаивать ее и просить прощения, что, в общем, я не большой специалист делать, а мне до трясушки хочется затянуться сигаретой, потом еще одной и еще одной. Хочу, чтоб легкие распирало до острой, обжигающей боли. Может так эти малахитовые глаза с искрами янтаря скроет какая-нибудь пелена, и меня отпустит?

Пока я сам, как в каком-то коконе, и не знаю, что творится

со мной. Не будь Макса, я б точно вернулся. Мое привычное «ЯТакХочу» никогда меня не подводило, но сейчас здравый смысл пока его задавливает и возвращает в реальность.

– Дэн, с тобой все в порядке? Или это тебя от вида казенного лазарета так пришибло? – подозрительно прищурился Макс.

– В порядке. О Милке думал.

И кого я пытаюсь обмануть? Понятно, что все мои мысли написаны на лице, и острая жалость никак не может ассоциироваться со здоровой, сексуальной молодой девушкой.

– Макс, боюсь, девчонка пропадет. – И на немой вопрос друга добавляю: – Лада. Она такая ...хрупкая. А я немного Омара знаю. Он не пожалеет. И синяки. Не на улице ж она их нахваталась?

– Ты в спасатели опять хочешь заделаться? Одну уже спас, теперь женишься. Вторую куда? Гарем хочешь устроить?

Понимая, что не смогу поддерживать разговор на волне «Юмор FM», я хотел остаться один. Привести свой чердак в порядок.

– Давай я тебя завезу домой и поеду к невесте.

Макс меня понял с полумысли.

– Поезжай сразу, я доберусь. Только осторожней на дороге.

– Учту, – буркнул я и нырнул в машину. Отъехав так, чтоб Макс уже не было видно меня, я достал сигареты и с жадностью, как будто хватаю не дурманящий дым, а воздух, буд-

то хочу не травить легкие, а выжить, глотая спасительный кислород, я сделал пару затяжек. Наконец, усилием воли заставил себя сменить в голове картинку, словно перещелкнул слайд. У меня есть невеста.

Камила. Горячая моя, будоражащая и в то же время покладистая, неконфликтная, умеющая выстраивать отношения так, чтобы и ее не обидели, и сама никого не задела. Просто чудо, подобранное чуть ли не на помойке. Я, никогда не горевший желанием вить семейное гнездышко, уже в этот момент держал бы за руку жену. Как? Как она меня приручила?

Даже сквозь никотиновую завесу в мозгу вспыхнул радужной участок, отвечающий за наслаждение. Вчерашняя девственница оказалась податливой, как пластилин. Не стесняясь, она отставляла свою попку, умопомрачительно прогибаясь в позвоночнике, когда я брал ее сзади. Ее первое смущенное «Ой», когда поставил ее в догги –стайл.

Вся такая аппетитная, жаркая. Даже то, что грудь не своя, заставляло еще больше восхищаться ее жаждой жизни, ее азарту.

Хотя несколько дней я не мог себя пересилить и заставить коснуться ее.

... Обессиленные, выжатые, с капельками пота, мы валялись в кровати. Я нежно поглаживал ее кожу, лаская везде, куда дотягивалась рука. Затем, немного ободрившись, решил, что есть еще порох в пороховницах. Мои губы потя-

нулись к манящим соскам. Оттягивая и покусывая их, я заурчал, как проголодавшийся тигр, и пошел дальше, уделяя внимание каждому миллиметру. И вдруг замер. Под обеими грудями под языком я ощутил практически незаметные шрамы.

– Что это? – прочертив пальцем по ним, я едва выдавил вопрос.

В ее карих глазах мелькнул испуг, растерянность. Она отодвинулась от меня и, отвернувшись, села, прижав к себе колени. Затем робко потянула покрывало на себя и спрятала грудь, словно пытаясь защититься.

Тревога и умиление нахлынули разом. Смешная! Прикрылась, а спину с соблазнительной попой от моих глаз не скрыла.

– Камил, зачем ты это сделала? Ты молодая, красивая девчонка! – я потянулся к ней рукой, но она еще больше отодвинулась, и мне показалось, что всхлипнула. Тихонько сползла с кровати и начала подбирать одежду.

Терпеть не могу глупые капризы и недосказанности!

– Камила, ты куда собралась? – невольно в моем голосе появилась жесткость, которой я избегал в отношениях с этой девчонкой. В ответ уже откровенное шмыгание, которое меня обезоруживает всегда – не выношу женские слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.